

«ФОНОГРАФ»

Памяти Ильи Рейдермана

Ночью проснулась от музыки. Снилось, что в осеннем парке, звучит орган; на открытом полукруглом балконе старинного дома, музыкант играет «Аве Марию» Вавилова, и прекрасный женский голос... контральто, поёт. Только одна певица обладает таким голосом – Лина Мкртчян.

Снова уснула, на рассвете, часов в шесть.

И проснулась уже с другим чувством, с чувством утраты.

Прочла на странице Аси печальную весть о том, что ушёл Илья, и поняла, почему именно орган звучал в моём сне: Илья часто читал свои стихи в Кирхе, и я бывала на его вечерах, где поэзия и музыка сплетались в единое, высокое и светлое.

Он был внимателен ко мне, к тому, что я пыталась говорить в стихах и в прозе, к тому, о чём пыталась молчать.

Внимателен и щедр: его слово о моём слове шло от сердца.

Перечитываю. Вспоминаю. Благодарю.

Из того, что вспомнилось сегодня, из разных книг Ильи, которые живут на моих книжных полках.

Людмила Шарга

ИЛЬЯ РЕЙДЕРМАН

Мой Бог, как просто всё на этом свете,
когда встаёшь и куришь на рассвете,
и боль под сердцем чуточку сосёт,
а в небе тело ласточка несёт,
движенья крыльев трогательно-зыбки...
Всё внятно взгляду. Нет ни в чём ошибки.
И о печалях знаешь наперёд.

Я пишу стихи на воде,
(были-сплыли, и нет нигде...)
Я пишу стихи на песке –
исчезают они в тоске.
Не доверю карандашу
и на воздухе их напишу.

Даже если никто не прочтёт –
зарифмую птичий полёт.
Я на ветер бросаю слова
и летят они, как листва.
И лепечет о чём-то волна.
И песок шуршит дотемна.

Сны беззаконны. Будто бы в окно
надуло – оттого и снятся, снятся.
И всё, что не сбывается давно,
опять рискует из глубин подняться.
Сны беспощадны. Простынь белизна
внушает сходство с операционной.
Беспомощен, наркозом опьянённый
в чужой, непобедимой власти сна.
Перед любою истиной – не струшу
при свете дня. Чего же снам – не рад?
Они во тьме обшаривают душу
как будто ищут позабытый клад.
Что в памяти хранил неповторимым,
то – сшито заново. Но где же швы?
...И вновь – невидимое станет зримым,
как в детстве – ветер в шелесте листвы.
Двойное зренье нужно – охватить
мечту и явь, их сплав, их нераздельность.
Разрозненному придавая цельность
порыва – времена соединить.
Сны беззаконны – всё, что мы делали,
чтоб знать отдельно, ставя по местам,
они перемножают без усилий,
соединяют: нет ни «здесь», ни «там»...
Есть только воздух – утренний, летящий,
тот ветер, что из детства – к нам в окно.
...Ах, мало ли во что поверит спящий.
Глаза открыть. Пора вставать давно.

.....*Людмиле Шарга*

Перед лицом вселенской тьмы,
перед безглазой пустотой –
что можем? Вправду ль мыслим мы?
Поглощены ли суетой?
Неужто мир настолько прост,
и ты на жизни шир – не зван?
...А небо тёмное без звёзд –
как будто выключен экран!
Изобрели мы фонари
и наши ночи – ярче дней.
А тот огонь, что в нас внутри –
не жжёт и светит всё бледней.
– Ты где? – Я в трепете огня,
что жжёт и рвётся из меня.
– Но в силах ли дрожащий свет
ближайший осветить предмет?

...Увидеть нужно – и назвать,
и друга милого позвать,
и воедино всё связать,
и слово честное сказать.

Как тонкой нити звука нет конца –
есть эхо, отзвук и преображенье,
так солнца луч, коснувшийся лица,
во мне самом отыщет продолженье.
Ты, эхо света, помысел ли, звук
нечаянно сорвавшегося слова?
Ты – тайны и признания испуг
перед определённой земного
существования. Бродишь в глубине
под оболочкой каждого предмета,
глухим волнением отзовься во мне,
как жажда продолженья, эхо света!
Трудись, душа, стремясь соединить
всё то, что жизнь дала и обещала,
держа в руках существования нить,
тот лучик без конца и без начала.

И чай наливающий в чашку
подумает вдруг: ерунда!
Исписана эта бумажка,
нельзя перечесть без стыда.
Жизнь – глупое очень занятие,
но смерти оно не глупей.
Какие нас держат объятья –
не те же, что и голубей,
деревья и камни? Не те ли?
И не надоело творцу?
Присутствуй, душа моя, в теле,
шепчи свою тайну лицу.
Понять бы, в чём жизни основа,
и правду сказать невзначай.
Ещё бы мне слово, полслова –
пока допиваю свой чай...

Мне этот город преподал урок.
Самим собой быть – вовсе не заслуга!
Сам по себе небесный свод глубок
и солнце – ярко, и листва упруга.
Сама собою южная весна
вошла в деревья, переулки, лица...
В её щедротах мне не заблудиться.
Она – и небо, и земля – она.
Как разобрать мне этот росчерк в небе
ветвей, летящих смело в вышины?
Как суть понять? Я сам – зелёный стебель,
вдруг ощутивший тяжесть и длину.
И как весна, как этот город жаркий,
– пишу себя, порвав черновики.
Правдиво. Безоглядно. Без помарки.
Ещё не зная будущей строки.

И опять облетает листва,
будто падает с мира завеса.
Загляни в глубину естества
поднебесного голого леса.
Эти ветви корявы, стволы,
будто их обожгло, почернели.
Пламя дремлет внутри, в колыбели,
– тайный жар среди ветра и мглы.
Безответная жизнь – муравья
терпеливей, – а так бушевала,
щебетала, шумела, играла,
лепетала, сама не своя...
Небо – низко. Земля – под листвой.
И в просветах – простор обозначен.
Лес молчит, нежилой, но живой,
– будто за руку временем схвачен.
Что там между ветвей – между строк?
Чем пространство недвижимое живо?
Лес молчит – онемевший пророк.
Жизнь – вот слово. Сказать бы – не лживо...

Ах время, мы и впрямь, как дети,
спешим накрыть его сачком,
поймать рукой, запутать в сети.
Спешим – и падаем ничком.
И вот, когда мы, обессилив,
лежим – над нами небеса,
травинка – зеленью на синем,
жучков беспечных голоса.
И жизнь мгновенная природы,
бессмертия кратчайший миг
объемлет нас. И мир велик,
заполнен временем, как соты.
И мы мгновенья собираем,
преображаем, раздаём.
А что на свете оставляем?
Себя. Во времени своём.

А жизни тоненькая нить
того гляди и оборвётся.
Но нужно длить её и длить,
покуда это удаётся.
Навеки породнить спеша
два мига, двух сердец биенье.
Лишь это целое – душа,
отдельности преодоление.
Все впечатленья и события,
всё, что без нас тоскует врозь,
соединять живую нитью,
порою наспех, на авось.
Так жить, чтоб не зиял пробел.
Кривым стежком стянув два края.
Всем телом бездну прикрывая,
не вопрошая, где предел.

Воспоминания – не дом, а дым.
Ещё клубятся – но живёшь иным.
И в сторону уносит по кривой
раззятый прах минуты неживой.
Но горький воздух – камня тяжелей, –
летит, недвижим, сквозь движенье дней.
Среди машин, забот, бегущих толп –
лоб расшибёшь об этот дымный столп.
И вдруг поймёшь: прочнее, чем гранит,
ушедшее. На том – душа стоит.

За каждой мыслью – голоса других.
За каждым словом – ожиданье слова
и созидают глубину живого
все те, кого и нет среди живых.
И жизнь, которая сегодня есть,
не нас одних вела и обнимала.
Так много жизни, что нельзя и счесть!
А мы твердим, её не зная: мало.

Жизнь ушла, и всё же возвратилась,
пожурив меня и пожалев,
чтоб душа от спячки спохватилась,
в сотый раз от счастья опалев.
Всё мне любо: даже чад бензинный,
пёс облезлый и бродячий кот.
Я хочу идти дорогой длинной,
и не на закат, а на восход.
Надо мною сень раскинет осень.
Стану стар, как дерево в саду.
А когда листву свою износим, –
постоим у неба на виду.
Трудно ль жить с душою неприкрытой?
...Дождь идёт. Во мгле. Во сне. Во мне.
Время длится баховской партитой,
оставляя скорбь на самом дне.

Книгу жизни беспечно листая,
вдруг увидишь: страница пустая.
Ни строки. Ни словца.
Ни живого лица.
Было место для мира, для Бога,
а теперь – пустота, безнадёга.
Это боль и беда,
что уже навсегда.
Только тени – безлики, безглазы,
только эхо несказанной фразы.
Это горе и стыд –
пустота, что болит.

Ещё шажок, что приближает к краю...
Но злобу дня в себе одолеваю.
Не знаю, весь умру, или не весь –
бессмертным нужно быть сейчас и здесь,
частицу вечности в руке держа,
как будто соль на кончике ножа.

1.

Мертвое море – соль тяжела.
Чёрное море – живое.
Жизнь, что зачем-то сюда привела,
жизнь твоя – снова с тобою.
Мёртвое вряд ли станет живым.
Ну а живое – смертно.
Вот почему мы так жадно глядим
в этот простор предрассветный.
Тьма – и уже возникающий свет.
Море и небо. Свобода.
...Неуловимой жизни портрет
пишет художник-природа.

2.

Море волнуется два,
море волнуется три.
И, забывая слова,
остановись и замри.
Ошеломляющий дар –
зов бесконечности – даль,
оклик пространства, удар,
моря хмурая сталь.
Ибо и ты из границ
вышел обыденных. Вот
в дымке предутренней птиц
неутомимый полёт.